

А. С. ДАВРОВ

«ИЗВЕТНОЕ ПИСЬМО» И СМЕРТНЫЙ ПРИГОВОР КНЯЗЬЯМ ХОВАНСКИМ

События стрелецкого восстания 1682 г. связаны с именем князей Хованских, так что впоследствии, в историографической традиции, получили название «хованщины» (правда, это название не встречается у современников, предпочитавших говорить просто о «Смутном времени»). Боярин князь Иван Андреевич Хованский (Тараруй) назначен был после 17 мая 1682 г. судьей Стрелецкого приказа. Благодаря своему авторитету старому полководцу удалось некоторое время балансировать между испуганным двором и думой и мятежным стрелецким гарнизоном. После отъезда двора из столицы в июле 1682 г. Хованский возглавил думную комиссию, оставшуюся «на Москве», тем самым став единственным носителем законной власти в охваченном восстанием городе. Это была вершина могущества князей Хованских. Отвернувшись на стрельцов, они противопоставили себя двору и думе. Последствия не заставили себя ждать.

2 сентября 1682 г. на воротах Государева двора в Коломенском «объявлено приключено письмо». Его авторы — два стрельца, не назвавшие своих имен, — извещали в своем письме обумысле князей Ивана Андреевича и его сына Андрея Ивановича Хованских на жизнь царей Ивана и Петра. Согласно извещкам, Хованские собирались будто бы самих царей побить, царей разослать по разным монастырям, а на одной царевне, не названной в письме по имени, жених самого младшего Хованского. Хованским приписывалось также намерение побить виднейших бояр, затем восторг по городам и «тем все государство смутить». Под впечатлением «огненного письма» (или известа) двор покинул подмосковное Коломенское и отправился, обходя столицу, в странствие по другим подмосковным селам. В одно из них — Водвиженское — были вызваны из Москвы князья Хованские. Захваченные на подорожье, они были приведены туда силой. Здесь, у Троицкой дороги, отцу и сыну Хованским прочли приговор и затем без раздумья казнили.

Так или примерно так изложена эта предпоследняя страница истории стрелецкого восстания 1682 г. в большинстве работ исследователей. Все историки, обращавшиеся к этому эпизоду, вы-

нуждены были довольствоваться не всегда ясными дилеммами «тлетного письма» и смертного приговора. Последние и до сего дня остаются основными источниками для реконструкции этих событий. Поэтому вопрос об их происхождении приобретает очевидную важность.

Впервые текст и смертный приговор были опубликованы в 1787 г. Ф. С. Тумашским по тексту «Созерцания краткого лет, и них же что содеяно в гражданстве» — летописно-публицистической компиляции конца XVII в.¹ История этого памятника оказалась достаточно причудливой — уже историкам XVIII в. он был известен под названием «записок Стивлестра Медведева». Впоследствии возникла версия об авторстве (или соавторстве) другого писателя XVII в. — Карпона Истомина. «Созерцание краткое» сохранилось в не менее чем семи списках, дающих нам две редакции памятника — пространную и сокращенную.² В настоящее время, благодаря работам А. П. Богданова, общепринятыми считаются выводы о первичности пространной редакции и об авторстве Стивлестра Медведева.³

Как показало текстологическое исследование А. А. Прозоровского, Тумашский «издавал „Созерцание краткое“ С. Медведева по тем отдельным выпискам из „Летописной книги“ Стивлестра, какие он находил в портфелях историографа Г. Ф. Минлера».⁴ В свою очередь, Минлер судя по всему воспользовался рукописью «Созерцания краткого» из Московского архива колегии иностранных дел (последствием более известной по имени своего исследователя, начальника Московского главного архива Министерства иностранных дел с 1841 по 1873 гг. как список князя М. А. Оболенского), относящейся к пространной редакции памятника. Таким образом, впервые известное письмо и смертный приговор были изданы по копии с одного из списков «Созерцания краткого». Это не помешало их издателю в том же томе «Собрания разных сочинений и записок» издать текст еще раз — по тексту царской грамоты в черные слободы, нешиком включенной в состав изданных им записок Желябужского. В дальнейшем мы не будем останавливаться на этой и последующих публикациях текста в составе «Записок», исследовавших

¹ Собрание разных записок и сочинений, служащих к доставлению полного сведения о жизни и деяниях государя Петра Великого / Изд. Ф. Тумашский. Ч. 6. СПб., 1787. С. 98—100 (письм), 231—240 (смертный приговор).

² Списки «Созерцания краткого»: 1) РГАДА, ф. 179 (Рукописная библиотека МГАМИД), № 205 — список М. А. Оболенского; 2) РГБ, ф. 178 (Музейное собр.), № 2915/31 — Рукописный; 3) Библиотека Одесского государственного университета. Собрание рукописей проф. В. Н. Григоровича, № 19353/53 — список Григоровича; 4) БАН России 16.3.39 — Академический; 5) ГИМ, Собрание рукописей А. С. Уварова, № 257; 6) РНБ, Собрание ОЛДН, № 476, л. 340 об.—434 (выписки А. П. Богданова); 6) РГБ, ф. 299 (И. С. Тихомиров), № 52 (выявлен автором).

³ См.: Богданов А. П. 1) К истории текста «Созерцания краткого» // Исследования по источниковедению истории СССР двенадцатого периода. М., 1983. С. 127—161; 2) К вопросу об авторстве «Созерцания краткого лет 1790, 91 и 92, в них же что содеяно во гражданстве» // Исследования по источниковедению истории СССР двенадцатого периода: Сборник статей. М., 1987. С. 114—146.

⁴ Стивлестра Медведева Созерцание краткое лет 1790, 91 и 92, в них же что содеяно во гражданстве / С предисл. и примеч. Александра Прозоровского. М., 1894. С. XLVIII—L, XLII (в дальнейшем — Созерцание краткое).

в 1841 и 1910 гг.⁵ — они стали предметом рассмотрения в нашей другой работе.⁶

Публикацию Ф. С. Туманского можно назвать стоящей на уровне археографических требований своего времени — она адекватно давала представление об источнике публикации, хотя издатель, черпая материал из вторых рук, имел довольно посредственное впечатление о том, что, собственно, он издавал. Этого нельзя сказать, к сожалению, о публикации смертного приговора и ижега в Собрании грамот и договоров, хранящихся в коллегии иностранных дел, в 1828 г.⁷ В них документ претерпевает странную метаморфозу, впоследствии ставшую для него обычной: он полностью вырван из контекста и напечатан вместе с другими актами, сохранившимися в подлинниках или адекватно отражающих текст копиях. В основе публикации лежали та же рукописи Московского архива коллегии иностранных дел («список Оболенского»). В этом убеждает, во-первых, сопоставление текстов (рукописного и опубликованного в СГГД), во-вторых, исправления, внесенные по сравнению с публикацией Туманского, в-третьих, то, что и впоследствии список Оболенского продолжал находиться в «комиссии печатания Государственных грамот и договоров» — издатель СГГД.⁸

Публикация смертного приговора в «Собрании грамот и договоров...» стала оригиналом публикации в «Полном собрании законов Российской империи». В этом не трудно убедиться, сравнившись с наборной рукописью «Полного собрания законов», — в нее просто вклеены соответствующие печатные страницы, вырезанные из «Собрания...»⁹ В 1836 г. публикация ижега осуществлена была в «Актах, собраниях в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедиции императорской Академии наук».¹⁰ В основу была положена Академическая рукопись, отрицательная краткую редакцию памятника.

В 1890 г. И. Козловский осуществил наконец первую научную публикацию памятника «Созерцание» было издано по списку В. И. Григоровича, с вариантами по Академическому списку и спискам Миллера. Таким образом, в основу издания исторично был положен список сокращенной редакции.¹¹

Между тем уже в 1851 г. князь М. А. Оболенский решил дать в распоряжение историков тот самый список «Созерцания краткого»

⁵ Записки Желябужского с 1682 г. по 2 июля 1709. СПб., 1840. С. 10—13. Дневные записки П. А. Желябужского (время Федора Алексеевича и Петра Великого) / С. предисл. и примеч. Д. П. Яковлева // Русские архивы. 1910. Кн. 3. № 9. С. 11—42.

⁶ *Дневник А. С. Царская грамота в московские слободы об ижеге Хованские* // Россия от Ивана Грозного до Петра Великого: Сб. трудов, посвященных 35-летию научной и педагогической деятельности проф. Р. Г. Саркисова. СПб.: Киев, 1993. С. 102—109.

⁷ Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в архиве Коллегии иностранных дел. Т. IV. М., 1828. № 132. С. 459—463.

⁸ Созерцание краткое С. XLII, примеч. 1.

⁹ РГАДА, ф. 1261 (II Отделение Собственной е. и. в. канцелярии), оп. 7, № 6 (статья) ПСЗ, подготовительные к печати, 1687—1688 гг., № 907—1327.

¹⁰ Акты, собраниях в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедиции императорской Академии наук. Т. IV. СПб., 1836. № 258. С. 368—369 (далее — АА').

¹¹ *Козловский И. Сильвестр Медведев: Очерк по истории русского просвещения и общественной жизни в конце XVII века*. Киев, 1895. Приложение.

из МГАМИД, которым пользовались в свое время Мишлер, а в середине XIX в. — Н. Г. Устрялов и С. М. Соловьев. Однако дело затянулось почти на полвека. Только в 1894 г. благодаря А. Прозоровскому рукопись МГАМИД, в которой некоторые современные исследователи склоняются видеть едва ли не беловик самого «Сотерциания», увидела свет, сопровождаемая введением, содержащим полный для своего времени очерк истории памятника. Основной текст представлен был по тексту Оболенского, варианты — по спискам Румянцевского музея, Григоровича, Академическому, публикациям Ф. С. Туманского и И. П. Сахарова 1841 г. (последняя не содержит текстов извета и смертного приговора и потому не рассматривается нами).¹²

Таким образом, к началу нашего века извет и смертный приговор были изданы, соответственно, пять и четыре раза. При этом только две последние публикации — И. Котлоноского и А. Прозоровского — давали представление о том, что перед нами не документ в строгом смысле этого слова, а его переработка, включенная в текст летописно-публицистического сочинения. В значительной мере это было связано с тем, что в остальных публикациях извет и смертный приговор были «вырезаны» из комплекта, представлены как дошедшие в самостоятельном виде документы. Все это, однако, было иллюзией — как было показано выше, никаких других текстов смертного приговора и извета, кроме восходящих к «Сотерцианию краткому» (о сохраненном в «Записках» И. А. Желябужского тексте извета было сказано выше), в распоряжении историков к тому времени не было.

Между тем археографическая история извета и смертного приговора на этом не закончилась. В 1976 г. в сборнике документов «Восстание в Москве в 1682 г.» В. И. Буганов и Н. Г. Савич опубликовали оба документа по списку Оболенского с вариантами по Академическому списку.¹³ Эта публикация вызывает по крайней мере два возражения. Во-первых, документы, прошедшие через редакционную правку автора «Сотерциания краткого», будучи опубликованными среди массы приказной документации, сохранившиеся в подлинниках и в отпусках, как бы автоматически приобретали большую достоверность. Вопрос о возможных искажениях и допущениях в тексте даже не был поставлен. Этому способствовало и указание на предшествующие публикации — под текстом были даны ссылки на СГГД, ААЗ и ПСЗ, хотя в качестве последней публикации следовало бы указать издание Прозоровского. Только внимательный читатель комментария узнавал, что акты дошли благодаря посредству «Сотерциания краткого». Наконец, авторы публикации не воспользовались (даже в вариантах) хорошо известным им текстом извета, независимым от «Сотерциания краткого», — дошедшим в составе «Записок» И. А. Желябужского. Последнее замечание, впрочем, носит уже буквоедский характер — текст извета невелик, а находящиеся во всех его списках разночтения несущественны. Но этого нельзя сказать о смертном приговоре.

¹² Сотерциание краткое. С. 106—111 (приговор).

¹³ Восстание в Москве 1682 г.: Сборник документов / Ред. В. И. Буганов. Сост. Н. Г. Савич. М., 1976. № 86. С. 130—133.

Таким образом, прои́тия черт горнила нескольких публикаций и сборниках актов, извет и смертний приговор как бы очистились от своего сомнительного, наползовину актового, наползовину нарративного происхождения. Благодаря этому они бетоговорочно использовались в науке. Положение могла изменить только находка текстов извета и особенно смертного приговора, независимых от «Созерцания краткого...».

Эти тексты нашлись в Рукописном отделе Российской государственной библиотеки. Следует сказать несколько слов о происхождении этих материалов, благодаря которому они стали долго использоваться от внимания исследователей. Извет и смертний приговор, сопровождаемые справкой о князьях Хованских, дошли в составе архива Э. Ф. Циппельсона, имя которого известно в основном в связи с его знакомством с М. А. Булгаковым.¹⁴ Буканист и собиратель автографов, Циппельсон собрал в своей коллекции главным образом автографы и дарственные надписи на книгах русских писателей и поэтов XIX—начала XX в. Основным каналом пополнения коллекции была книжная лавка издательства «Недра», в которой работал коллекционер, — это, конечно, заметно затрудняет попытки установления предшествующей истории исследуемых материалов.

Оказавшиеся в Отделе рукописей извет и смертний приговор¹⁵ были не разобраны по порядку, а пронумерованы подряд. В результате, для того чтобы прочесть документны от начала до конца, надо разложить их в следующем порядке: л. 1, 2 (справка о Хованских), 8, 16, 22, 13, 7, 23, 6, 17, 20, 19, 4, 5, 14, 15, 18, 24, 3, 21, 11, 4, 10, 12, 9 (смертний приговор и извет).

Начало смертного приговора князю боярину Ивану Андреевичу Хованскому в нашем списке утрачено, текст начинается со слов: «<...> мноую их в. г. денежную казну без их государственого указу и без доклада кому и не довелось, и тем дачами их в. г. казну всю историю и выработ и тем всему государству учинил великое разорение и людем мноую тягость» (л. 8).¹⁶ Вслед за этим идет текст, полностью опущенный Сидякестром Медведевым: «И после того вскоре объявилось на тебя и на сына твоего на князя Андрея письмо, что ты с советники своими умышляете на их государственое здоровье всякое зло, и хотите бояр и всех политных и ближних и шых чинов людеи побить, всех без остатку и завладеть Московским государством».

¹⁴ Чудикова М. О. Жизнеописание Михаила Булгакова. М., 1988. С. 441.

¹⁵ РГБ, ф. 416 (Э. Ф. Циппельсон), карт. 5, № 5 (в дальнейшем ссылка дается только на листы). При описании документов дан следующий абийц лисованого: «Сказка о шинах ки. Ивана Андреевича и его сына Андрея Ивановича Хованских, прочитавши им перед казнию в седе Водрожженском дяком Ф. Шакоинтым». Всего в деле 24 раскрасенных состава, на них удалос установить один водной знак — Герб Амстердама и дисеры Р.Е.М в рамке, представляющий собой вид опубликованного (Churchill W. A. Watermarks in Paper in Holland, England, France etc. in the XVII and XVIII Centuries and their Interconnections. Amsterdam, 1935. № 22, 1686 г.). На л. 3—24 скрета «думной дотак Вислави Семенов». В. Г. Семенов сидел в Ратрядном приказе в 1676—1694 гг. и был одновременно одним из руководителей Палаты родословных дел.

¹⁶ См.: Созерцание краткое. С. 106.

Естественно было бы ожидать, что сразу после этого сообщения в тексте должен быть помещен сам извет (он действительно включен в списке РГБ в текст смертного приговора, но несколько позже), однако вместо него следует триада, также опущенная в «Свертцанин кратком»: «И п. г.; тому письму не поверили, не чая в тебе такова злого умышления, а чаяли от тебя верные и правдивые службы, взыскали тебя и детей твоих мноюю своєю государскою милостию, пожаловали московскими дворами и деревнями, и детей же и сродников твоих чествов в бояря, которым было еще в таких молодых летах и без службы в таких чествах быть не довелось, а иных пожаловали к себе в г. в коняты, и ты с сыном своим князь Андреем то их государскую премногую и высокую милость презрели и ни во что поставили и вместо всякой радетельной и правдивой службы чинили их в г. указом противность и ослушание, и делали все по своим прихотям, а их государского никакова повеления не исполняли» (л. 8, 16).

Только после этого вновь следует текст, знакомый по «Свертцанин краткому». Однако и здесь нет полного тождества. Оказывается, что Сивилестр Медведев порой сокращает показавшиеся ему чересчур длинными евангельские пассажи составителей смертного приговора. Например:

РГБ, ф. 416, карт. 5, № 5, л. 22.

Свертцанин краткое по списку
Оболенского

Да ты ж у себя и приказы держали, за решетками та присташи многих людей, которые ведомы в рошых приказах, а в те приказы их, где кто судом и всякими делами ведомы по настоящему на в. г. указу не отсылаши, тешниш и морниши их напрасно поведомо для чело.

Да ты же у себя и приказы держали мучительно за решетками и за присташи многих людей напрасно, которые ведомы судом и расправою в рошых приказах, и в те приказы по настоящему в г. указу не отсылаш.¹⁷

Чаще сталкиваемся и с другим явлением — под пером Медведева в смертный приговор вносятся добавления, призванные расквитать сухой текст, приблизить его к проповеданиям ораторской проты своего времени:

РГБ, ф. 416, карт. 5, № 5, л. 23б.

Свертцанин краткое по списку
Оболенского

Да ты ж князь Иван возненаговис на державу

Иван же ты, князь Иван, возненаговис по черням, против вседогущаго и творящю по воли Своей Бога, а Бог же рече: земля концы суть, второе, на державу царского пресветлого величества, благоденствитиши наших православных Богом избранных государей

п. с. ц. и в. хл. Иоанни Алексеевича Петра Алексеевича в. В. и М. и Б. Р. с. говориши многожды в полате при них, великих государех, и при всех боярях величави и гордостю своею будто все государство стоит по твою кончину.

ц. и в. хл. Иоанни Алексеевича Петра Алексеевича, в. В. и М. и Б. Р. с. говориши многожды в полате при них, великих государех, и при всех боярях, величавиши и гордостю своею, будто все государство стоит по твою кончину.¹⁸

¹⁷ Свертцанин краткое. С. 106.

¹⁸ Там же. С. 107—108.

Сравнение списка РГБ, списка Оболенского, представляющего пространную редакцию, и Академического списка краткой редакции, дает дополнительные аргументы в пользу первичности пространной редакции:

РГБ, л. 23	Список Оболенского	Академический сп., БАН России 16.3.39, п. 114 об.
и тем Московскому государству похищение от посторонних народов и укористию чиниш...	и тем Московскому государству похищение приносити и убыток и от ея рощих народов укористию... ¹⁹	и тем Московскому государству похищение приносити и убыток...

Возвращаясь к различиям между смертным приговором по пространной редакции «Содержания краткого», следует сказать, что порой эти различия носят не только стилистический, но и смысловой характер. Так, например, в подлинном тексте Хованскому ставится в вину то, что он (очевидно, во время событий 15 мая 1682 г., за которые он никак не мог отвечать) «попустиш» стрельцам ходить по царским палатам «с таким великим наглством и невежеством, как и в приказах не повелось» (л. 16, 22). В обработке Медведева получился «чето и в простых домах не повелось».²⁰ В подлинном тексте Хованский обвинен в том, что его «судномыслишию» старообрядец Никита Добрынин «всяким дерзновением поступаш» «при великих государынях царевнах». У Сильвестра Медведева то же происходит «при великих государынях, царне и царенках».²¹ Тем самым Медведев исправил ошибку составителя смертного приговора, опомыках забывшего о том, что в претрии вместе с царевнами участвовала и царица Наталья Кирилловна.²² Есть и менее значительные редакционные примечания — например, в тексте РГБ постоянно упоминается палатная пехота (это почетное наименование стрельцы себе присвоили по указу и были лишены его после подавления восстания). Порой эта редакция получалась у Медведева плохо — так, сообщая о челобитие «палатные пехоты добрых людей» о князе Никите, он переправил их на «служивые пехоты добрых людей» — словосочетание достаточно искусственное и не встречающееся в приказном обиходе.

Наиболее важные различия находим в конце текста. Так, одна из вин князя Ивана Хованского не вошла в опубликованный текст: «Да бил челом им, великим государем, в их государском походе в селе Коломенском Акинфьева полку Данилова подполковник Федор Коляков чтоб ему дать деревню или б сво за скудостью сво от подполковников отставить. И по их великих государей указу он Федор по его челобитию не того чину отставлен, и велено в тот полк выбрать на сво место в подполковники иного и о том подписана ему челобитная, велено указ о том чинить тебе, князь Ивану,

¹⁹ Содержание краткое. С. 107.

²⁰ Там же. С. 106.

²¹ Там же. С. 108.

²² Там же. С. 83–84. Свидетельство «Содержания краткого» подтверждается и «Увстом духовным» (М., 1682. Л. 46).

и ты в селе Коломенском при многих людех кричал с великим невежеством, будто наперед сего при твоём братце, которые сидели в Стрелецком приказе, так читать без их ведома не смеи, а притом говорил, что еще копыям время не прошло, и то ты говоришь, зыбши свою голову, кому не смеи таких дел делать и на ково ты грозил копыями» (л. 18, 24). Хованский здесь довольно прозрачно намекнул на возможное повторение событий 15–17 мая 1682 г., когда видные думные деятели были сброшены с Красного крыльца на коня восставших стрельцов. Это не могло не насторожить приближенных обоих царей и царевну. Угрозы Хованского в несколько измененном виде отразились в «огневом письме», к появлению которого будет иметь непосредственное отношение вышеупомянутый полковник Акифий Дашинцов.

Именно он, как сообщает велед за этим смертный приговор от РГБ, нашел привласненный на воротах Государева двора в Коломенском ивет, который он «саял и объявил им, великим государем» (л. 24). Затем полностью приводится текст ивещного письма, почти не отличающийся от опубликованного, разрывающий текст смертного приговора (л. 24, 3, 21, 11, 10).

Велед за приговором старшему Хованскому следует приговор князю Андрею Ивановичу Хованскому. Автор «Свердания краткого» ограничился лишь кратким упоминанием о нем: «Так же и сыну его, князю Андрею Хованскому, чтеши многия статьи ии его».²³ Теперь мы впервые располагаем его полным текстом, который приводим ниже:

«А ты, князь Андрей Хованской с отцом своим во всем вышеписанном умышлял и советоваи заодно, и воронством своим и именово под государетвом Московским подкидывался вместе, и на многие злые дела его приходил, и тем своим обцим воронством и именово учинилши вы Московскому государству великое разорение и в народе многую смуту».

«Да ты ж про отца их в. г. блаженные памяти про в. г. ц. и в. вл. Алексея Михайловича в. В. и М. и Б. Р. с. говориши многие непристойные и поносные слова».

«Да ты же говориши про благоверных государынь царевен такие великие и странные дела, что выше сего написано, многим бесстрашнем, чело не только говориши, и мыслить странно».

«Да ты же князь Андрей бояр и околанчич, и думных людей, которые по их в. г. милости пожалованы честию, всех даял, и поносил, и иереговаривал с великою надлостью, будто пожалованы честию и пущены в полату воры и не спросясь про то с вами. И говориши ты, что и в полату за тем ходить не хочешь, что в полате воры, и тем ты их государскую милость опорочил и их бесчестил не почитав своей меры и не заирая себе, что ты с отцом своим воры и изменники».

«Да ты ж князь Андрей, будучь у продажи животных, те животы многие кражею себе имал, и подставою холопом своим покупать самую дешвою ценою велед, а деньги за то та все велед давать из тборных денег, которые взяты за те ж продажные животы».

²³ Свердание краткое. С. 110.

«Да ты ж князь Андрей во многих делах их в г. указу чинился противен, и делал все по своим прихотям самоволюством...» (л. 10, 12, 9).

В этом источнике, впервые вводимом в научный оборот, обращают на себя внимание две стороны. Во-первых, приговор показывает, что у младшего князя Хованского была не только «недружба» с князем В. В. Голицыным, но и вражда с другими думными деятелями, которую он даже не считал нужным скрывать. Во-вторых, по крайней мере в двух обвинениях звучат отголоски «гнетов». Так, «многие непристойные и поносные слова» о царе Алексее Михайловиче, видимо, заключались в том, что Хованский с сыном называл царей Ивана и Петра «еретическими детьми». А за «великими и страшными делами», которые велел за князем Андреем и повторить-то было нельзя, скрывались, очевидно, все те же династические претензии, о которых поведает извет.

Красноречивый рассказ об угрозах «кошьями», брошенных Хованским, и о том, как младший Хованский пытался думцем «ворам», конечно, принадлежат к важнейшим документам текста, сохранившегося в составе «Созерцания краткого». И первый, и второй связаны одной темой — конфликтом князей Хованских с боярской верхушкой, практически не нашедшим отражения в историографии. Этот конфликт оказался замеченным масонскими династическими планами, связанными с «свидением» всем государством. Однако основным источником для восстановления последних остается пока анонимный извет; что же касается борьбы в думе, то ее следы налицо. Хованским удалось за время восстания усилить свое представительство в высшей курии думы с двух до пяти — ни один род не мог похвастаться подобным количеством бояр. Наконец, внимание уделяется и состав боярской комиссии, возглавленной князем И. А. Хованским, и связи Хованских с провинциальным дворянством. Все это свидетельствует о том, что в политической борьбе Хованские опирались на своего рода клан, состоящий в основном из неродовитых служивых людей, что заставляет с сомнением относиться к традиционной версии об аристократической фронде.

Остается изучить происхождение исследуемых текстов. Здесь ключевая роль принадлежит справке о Хованских, которая предваряет смертный приговор в архиве РГБ (л. 1—2). Она оказывается близкой по тексту справке о Хованских, отложившейся в архиве Палаты родословных дел, и рукописи, описанному князьям Хованским в Бархатной книге.²⁴ Созданная в 1682 г. Палата родословных дел должна была подготовить родословную — «новоположенную» книгу — на основании родословных ростисей, поданных представителями служивых родов. Одними из первых 2 марта 1682 г. подали свою родословную князья Хованские. Эта ростися не сохранилась в подлиннике и была опубликована П. С. Шереметевым по копии из Архива Московского дворянского собрания.²⁵ После подавления

²⁴ РГАДА. ф. 210 (Разрядный приказ), оп. 16 (Родословные ростисей), № 163 (Хованские), л. 1—6; Родословная книга владетельных князей и дворян российских. Ч. 1. М., 1787.

²⁵ См.: Шереметев П. О князьях Хованских // Летопись Историко-родословного общества в Москве. Вып. 1—2 (13—14). 1908. С. 165—168.

стрелецкого восстания 1682 г. стало ясно, что ростовцы нуждаются в дополнениях — двое представителей рода были казнены, трое лишены своих мест в думе. В результате была составлена справка, черновик которой отложился в архиве палаты. В нем есть исправления и дополнения, которые учтены в справке из РГБ. В свою очередь, текст справки из РГБ оказывается непосредственно предшествующим соответствующему тексту Бархатной книги (как показали М. Е. Бычкова, последняя была завершена во второй половине 1687 г. — до 1 сентября 1688 г.²⁴). Очевидно, ранее этого времени были переписаны вместе со справкой и смертный приговор с изветом, служившие как бы справочным материалом для приказных генералов. Гораздо труднее ответить на вопрос о том, как все эти документы «перетекли» из архива Палаты родословных дел в частный архив, из которого, вероятно, они и были проданы собирателю. Известно, что подлинники поданных в палату ростовцев возвращались авторам, но здесь речь идет о собственном делопроизводстве палаты.

Во всяком случае, именно в результате этого долгого архивного странствия и оказался доступным для изучения полный текст извета и смертного приговора — важного источника по политической истории России последней четверти XVII в. Извет и смертный приговор относятся к числу недостаточно разработанных в источниковедческом отношении документов политического сыска.

²⁴ Бычкова М. Е. 1) Из истории создания родословных ростовцев конца XVII в. и Бархатной книги // ВИД. Т. XII. № 1, 1981. С. 107—108; 2) Состав князя феодалов России в XVI в.: Историко-генеалогическое исследование. М., 1986. С. 149—150.